

ВИКТОР ПЕТРОВ

ЧАБРЕЦ НЕПРЯДВЫ

Андрей Шацков. Сказы Куликова поля: Стихи. — СПб: Любавич, 2022. 48 с.

Современному автору нужна завидная смелость, чтобы обратиться к такому редкому литературному жанру, как сказ, вынося жанр даже в название поэтического издания – “Сказы Куликова поля”. Так называется новая книга Андрея Шацкого, изданная в Санкт-Петербурге при поддержке президента литературного фонда “Дорога жизни” Д. А. Мизгулина и директора музея-заповедника “Куликово поле” В. П. Гриценко.

Русская поэзия отдала дань Куликовской битве сполна. Тут и классика с вершиной Блока, и множество различных версификаторов. Однако, думается, теперь есть необходимость всерьёз говорить именно о свершённом Андреем Шацковым.

Александр Блок более сотни лет тому назад, считая Куликовскую битву символом русской истории, предрекал, что такому “суждено возвращение”. Дважды в прошлом веке шли разноплеменные супостаты воевать русскую землю. Шли, объединяясь в одну силу. Не случилось нашествия, нового ига. Вот и ныне пробуют на прочность отеческую державу. Да только устоим. А как иначе, если:

Утоли мне печаль, и тоску утоли.
Одари на прощанье узорчатым стягом,
Чтоб в серебряных росах легли ковыли
Под размашистым конного воинства шагом.

Благословение Сергия Радонежского куда как важно в осознании праведности русского выбора. И автор обращается напрямую к нему, упреждая из нашего сегодня о том, что “злобная конница табунится степной саранчой”. Да, иные времена, иные враги зарятся на Отчину, но во злобе своей они неизменны. И как же необходим “звон набата” для единения русских сердец перед смертной угрозой. А ещё – молитвенный строй слов... Происходит то самое, по Тютчеву, сосредоточивание, как будет потом не раз в истории непонятого иноземцу государства. Рать уходит на Куликово поле – “вековечное поле Руси!” – с пророчеством:

И заветное знание Сергия
Возвещают святые уста:
“Разорвутся ордынские вервия!
Будет Русь от поганых чиста!!!”

Смещение времён – и вот уже не только “ночью неладное снится”, но стихия стиха являет “заветное поле”, где зреет великая битва. Русские воины готовы стоять до последнего, и пусть враг жесток и хитёр, но ему не одолеть того, “у кого Русь за спиной”; вкупе тотчас поминается “и сын, окрещённый Димитрий!” И таким образом проявляется тема “отец – сын”, заявленная в “Прологе”, где устами Ивана Красного, отца Димитрия Донского, повествуется о сыновьем постриге, означающем начало возмужания княжича из младенчества на его четвёртом году. Сказывается не только о происходящем по древнему обычаю, но и прозорливо выражено отцовское приятие уготованной судьбы своего сына: “...затмит стрелами белый свет, / И ты с порога вденешь ногу в стремя!”

Так и произойдёт. Да – с порога, и это отчий дом, родные и близкие люди, те же малая родина и Родина большая...

Далее стихотворный текст постоянно будет перемежаться личными отступлениями, и это объяснимо, ведь поэт, можно сказать, сжился со своими героями. Верись авторскому осознанию себя одним из русских ратников, да ещё вместе уже со своим сыном (помните, “окрещённый Димитрий”?):

Ну, вот и наша сотня. Поутру
Мы встанем с нею около Непрядвы.
И заплещут стяги на ветру,
Взыскующих единой русской правды!
Под клёкот лебединых верениц
Святая Мать за воинство заступит.
И Красный Холм Мамаю ринет ниц,
И в степь отбросит, словно чёрта в ступе.

Оплакать убиенных за други своя – горький удел *певца-ратника во стане русских воинов*, хотя ещё “ковыль дымился кровью на лугу, / И синь дождя стекала павшим в очи”. Но трагичная нота обо всех оттенена и печалью о своей беде: Андрей Владиславович, работая над “Сказами...”, потерял безвременно сына Димитрия.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем —
Смертным грехом отца.

Завершающую произведение третью часть “И веют хоругви шелковые...” можно считать исповедальной. Проживание в стихах иного исторического времени, тем более в переключении с нашим, когда русская судьба испытывается “силой тёмною”, – неизменно, отзывается и всегда будет отзываться в тебе самом. И оттого-то “стрелец – неприкаянный лучник – / Я к бою готовлю стрелу!”

Обмолвка о том, что на другом поле – Рузском (созвучие-то какво и случайно ли с “Русским!”), где “знакомый до боли пейзаж” памятен навсегда, “проживает поэта душа”, связуема с безымянным летописцем, который внёс запись:

Воскреснет Господь, и его расточатся враги.
И встретит со славой вернувшихся в пору посад...

Неисповедимы пути... Андрей Шацков переносит нас в княжескую Русь, когда служивый предок великого поэта “Тютчев из рода Тютчевых – Захар” отправляется в путь с гайтаном на груди, что надел ему Великий князь Димитрий. Там “письмо безбожному Мамаю в столицу Золотой Орды”. Чем не дипломатическая служба!

Исполнил Захарий дело с честью, доставил послание адресату, а по дороге в “Олеговой Рязани о русском братстве речи рёк...” Так что такого рода служение Отечеству у поэта-дипломата Тютчева в крови, наследственное.

А затем предок “в начале сентября... ехал с князем – стремя в стремя...” на Куликово поле, и следом, сопровождая:

Летело лебедей обилье —
Небесных витязей отряд.

Но вот вернулись полки с победой, и, как представляется современному поэту, Захар подьѐмлет руку с двуперстьем, чтобы "...неведомому внуку / Грядущий путь благословить".

И новый посыл туда, где

...на бранного поля скатерти
Рати бьются, упор в упор.
И плывѐт в небесах Богоматери
Чудодейственный омофор.

А как всегдашнее напоминание о чуде Божьего плата, о неведомом во спасение свете над Русью "богородской травой возрастает пахучий чабрец". И если ковыли, произрастая в полный рост, падут под пятою Мамаю, то "пригнѐтся к земле, распрямившись, Непрядвы чабрец!" Тогда неизменно заря, словно плат, "ниспадѐт на траву – и не будет России конца!"